

Шабанов Дмитрий Федорович

**Описание боевой жизни в
минувшую войну 1877-1878
годов 13 Лейб-гренадерского
Эриванского полка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Д53

Д53 **Дмитрий Федорович Ш.**
Описание боевой жизни в минувшую войну 1877-1878 годов 13 Лейб-гренадерского Эриванского полка / Шабанов Дмитрий Федорович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 207 с.

ISBN 978-5-521-30572-8

ISBN 978-5-521-30572-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

введенія въ этомъ родѣ прививались весьма успѣшно, благодаря особенной дѣятельности и энергіи бывшаго командира полка флигель-адъютанта полковника Гурчина, который, обладая всесторонними служебными познаніями, настойчиво требовалъ того же и отъ своихъ подчиненныхъ. Александръ Викентьевичъ, командуя полкомъ въ теченіи семи лѣтъ, шелъ къ своей цѣли равномерно, безъ усталы, безъ охлажденія. Эриванцы, за свою отличную службу, неоднократно при немъ удостоились Всемилоствѣйшей благодарности ихъ Августѣйшаго Шефа и Главнокомандующаго арміею. Передъ войною, на послѣднемъ смотру Ег о И м п е р а т о р с к а г о В ы с о ч е с т в а, полкъ, вооруженный ружьями системы Бердана, далъ на стрѣльбѣ результаты выше отличныхъ. Нѣкоторыя роты стрѣляли съ изумительною мѣткостью и выбили процентъ вдвое болѣе отличнаго, какъ напримѣръ, 4-я рота, при взглядѣ на разстрѣлянную мишень которой Ег о В ы с о ч е с т в о изволилъ выразиться: «какая поразительная стрѣльба!» (2).

Полкъ комплектовался, по военному составу, призывными нижними чинами изъ запаса арміи. По росписанію главнаго штаба № 6-й, въ эриванскій полкъ назначены были призывные изъ губерній: Тифлисской—229, Саратовской—1192, итого 1421 человекъ, а прибыли въ полкъ: изъ Тифлисской—42 унтеръ-офицера, 25 музыкантовъ и 146 рядовыхъ; Саратовской губерніи и уѣзда—61 унтеръ-офицеръ, 18 музыкантовъ и 246 рядовыхъ; той же губерніи Аткарскаго уѣзда—157 унтеръ-офицеровъ, 47 музыкантовъ и 571 рядовой; изъ Пензенской губерніи—26 человекъ; всего поступило въ полкъ 1369 человекъ. Изъ этого числа оставлено въ пути, по разнымъ случаямъ, 133 человека, которые подходили постепенно.

Первая партія призывныхъ прибыла въ полкъ въ концѣ ноября мѣсяца, а послѣдняя—30-го декабря. На всѣхъ этихъ людей были пригнаны новыя мундиры, шинели, шапки, башлыки и сапоги изъ неприкосновеннаго запаса; сверхъ того, имъ были выданы годовыя вещи и полное снаряженіе. Пригонка обмундированія и снаряженія призывныхъ была произведена съ изумительною быстротою, благодаря распорядительности завѣдывающаго хозяйствомъ май-

ора Васильева. Каждая партія, на третій день по прибытіи въ штабъ-квартиру полка, на уроч. Манглись, была уже совершенно готова къ походу. Всего неприкосновеннаго запаса, а именно: мундировъ съ шароварами, шинелей, шалоковъ, башлыковъ, сапоговъ было приготовлено въ полку на 2237 человекъ. Изъ этого числа выдано призывнымъ на 1469 человекъ, а запасному баталіону на 1044 человека.

Въ эриванскій полкъ поступила самая незначительная часть солдатъ, которые служили прежде въ этомъ же полку; остальные были другихъ полковъ и разныхъ командъ. Нельзя сказать, чтобы эта система комплектованія вполне удовлетворяла цѣли: солдаты, воспитанные въ свое время въ полку, усвоиваютъ его боевой духъ, его обычаи, знакомятся съ его исторіею и до такой степени становятся привержены къ нему, что даже и при увольненіи въ запасъ празднуютъ полковой и ротные праздники; словомъ, любятъ свой полкъ, свой мундиръ, своихъ начальниковъ. Такихъ людей ротный командиръ можетъ смѣло вести въ бой, на нихъ онъ можетъ вполне положиться. Между тѣмъ, люди, не служившіе въ полку, являются, по призвѣ ихъ изъ запаса, для него какъ бы совершенно чуждыми, и для того, чтобы ихъ сдѣлать своими—нужны и трудъ, и время. Такъ было и во время минувшей мобилизаціи: призывные, поступившіе въ полкъ, являлись въ немъ солдатами, неимѣющими общей организаціи; они поступали въ семью для нихъ чужую. Только съ теченіемъ времени они освоились, привыкли. Наканунѣ же войны было весьма трудно сразу перевоспитать ихъ, заставить полюбить свой полкъ, его боевую славу. Сколько извѣстно, почти всѣ полковые и ротные командиры высказывали крайнее сожалѣніе, что имъ не дали запасныхъ изъ числа тѣхъ, которые уже служили прежде въ ихъ полкахъ и ротахъ. Между тѣмъ, это важное неудобство могло быть устранено, еслибы въ мирное время части комплектовались новобранцами изъ однихъ и тѣхъ же губерній, и потомъ сами для себя составляли бы запасъ.

Одновременно съ укомплектованіемъ призывными, изъ полка было выдѣлено 10 унтеръ-офицеровъ, 4 музыканта, 25 рядовыхъ

и 1 нестроевой—на сформированіе кадра 13-го гренадерскаго запаснаго баталіона въ двухротномъ составѣ. Командиромъ этого баталіона былъ назначенъ, изъ полка, командиръ 3-го баталіона подполковникъ Ульяновъ, а ротными командирами—капитаны: Мальцевъ 1-й и Стопчанскій. Въ іюлѣ того же года этотъ баталіонъ доведенъ былъ до четырехротнаго состава; командирами 3-й и 4-й ротъ назначены: капитанъ Теріевъ и поручикъ Климіевъ: туда же еще выдѣлены изъ полка: одинъ поручикъ, одинъ подпоручикъ и одинъ прапорщикъ для занятія должностей. Вообще же, передъ войною и въ началѣ ея выбыло изъ полка, кромѣ запаснаго баталіона, еще семь старшихъ ротныхъ командировъ, а именно: капитанъ Мальцевъ 2-й—по случаю производства въ майоры и за переводомъ въ тифлисскій полкъ; по случаю разныхъ назначеній: капитанъ Русецкій—для занятія должности адъютанта въ корпусномъ штабѣ, капитанъ Шабановъ—въ дивизионный штабъ на должность старшаго адъютанта; штабсъ-капитаны: Ераевскій—въ полевое интендантство, Брюннели и поручикъ Шамраевскій—въ дивизионный лазаретъ, первый на должность смотрителя, а второй—коммисара, и штабсъ-капитанъ Брамкеръ—адъютантомъ къ начальнику окружнаго штаба.

Въ январѣ 1877-го года, когда полкъ готовился къ войнѣ, командиръ его флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ назначенъ былъ командиромъ кавказской стрѣлковой бригады, а на его мѣсто вступилъ полковникъ Толстой. Перебѣна полковаго командира и такая огромная убыль старшихъ офицеровъ должны бы, кажется, дурно повліять на боевую готовность полка; но нужно отнести къ чести оставшихся въ немъ офицеровъ, начиная отъ прапорщика до полковаго командира, всегда гордившихся именемъ своего полка и его вѣковой славою, которую достойно поддерживали, что они въ данномъ случаѣ вполне возмѣстили своихъ убылыхъ товарищей. Говоря же вообще, командированіе офицеровъ изъ строя въ столь важные моменты не должно быть допускаемо, потому что оно обезсиливаетъ часть, лишаетъ ее единодушія и той сплоченности, которая необходима для механизма правильно - организованнаго полка. Упрекать же лично офицеровъ въ томъ, что они соглашаютъ-

ся на командированіе—будетъ несправедливо, такъ какъ въ каждомъ штабѣ и во всякомъ управленіи офицеръ получаетъ содержаніе несравненно больше, чѣмъ въ строю, да и службу несетъ легче.

Послѣ зимней стоянки въ Александрополь и окрестностяхъ, гдѣ готовились къ походу, полкъ, уже мобилизованный по военному времени, т. е. по сорокъ два ряда въ полуротѣ, перешелъ, въ началѣ апрѣля, въ новый дивизионный лагерь между селеніями Дагарли и Баяндуромъ. Остальныя же войска остались въ лагерьѣ подъ Александрополемъ

Четвертаго апрѣля, Его Императорское Высочество Главнокомандующій прибылъ изъ Тифлиса въ Александрополь, пятаго апрѣля произвелъ смотръ правой колоннѣ подъ Александрополемъ, а седьмаго—войскамъ лѣвой колонны, которую составляли: кавказская гренадерская дивизія, съ ея артилеріею, и приданная ей кавалерія. Дивизія была построена въ нѣсколько линій на баяндурскомъ полѣ, ознаменованномъ, въ войну 1853-го—1856-го гг., необыкновенною стойкостью нашихъ войскъ. Здѣсь, въ 1853-мъ году, еще до объявленія манифеста о разрывѣ съ Турціею, нашъ незначительный отрядъ выдержалъ пятичасовой артиллерійскій бой и не уступилъ шага въ восемь разъ сильнѣйшему противнику.

На этомъ историческомъ полѣ Его Высочество, въ одиннадцать часовъ утра, началъ смотръ объѣздомъ. Эриванскій полкъ съ глубокою преданностью и любовью привѣтствовалъ своего Августѣйшаго Главнокомандующаго. Дружное, сильное «ура» сопровождало Его Высочество по рядамъ эриванцевъ. По окончаніи объѣзда, Великій Князь изволилъ выѣхать на середину первой линіи. Сюда, по Его приказанію, уже были собраны офицеры всей дивизіи: Главнокомандующій, милостиво обрѣтаться къ нимъ, выразился такъ: «если Государю Императору угодно будетъ двинуть нашу армію на враговъ, то кавказскіе grenадеры поддержать старинную славу кавказскихъ полковъ и достойно ее увеличить боевыми заслугами, и украсить свои знамена новыми побѣдами. Надѣюсь, что старые офицеры напомнятъ врагамъ Балигъ-Кадыкляръ и Кюрюкъ-Дара, а молодые не отстанутъ». Затѣмъ, Главнокомандую-

цій приказавъ офицерамъ разойтись по мѣстамъ и передать Его пожеланіе нижнимъ чинамъ. По мѣрѣ того, какъ передавались слова Его Высочества нижнимъ чинамъ, взрывы восторженнаго «ура» оглашали воздухъ. Минута была торжественная. Солдаты не умолкали, гремѣли «ура» и высоко подбрасывали шапки вверхъ, выражая этимъ желаніе идти впередъ, на враговъ. Когда затихло многозначительное «ура», Главнокомандующій изволилъ пропускать войска церемоніальнымъ маршемъ. Молодые эриванцы шли бойкимъ, смѣлымъ шагомъ. На ихъ здоровыхъ лицахъ, въ ихъ движеніи выражалась готовность доказать, что они будутъ достойны своихъ дѣдовъ и отцовъ—тѣхъ героевъ, которые прославили эриванскій полкъ.

Съ 8-го апрѣля по 11-е число включительно, роты полка практиковались въ постройкѣ позиціонныхъ окоповъ. Въ тоже время полковой артиллерійской командѣ сдѣлано испытаніе, насколько она подготовлена къ дѣйствію при орудіяхъ; кромѣ того, на сторожевую службу обращено было серьезное вниманіе. На ночь отъ полка ежедневно выставялась рота на аванпосты, и тщательно проверялись бдительность и знаніе нижними чинами сторожевой службы.

Вскорѣ состоялось распоряженіе о томъ, чтобы излишнія тяжести перевезти въ Александрополь. Полковой, ротный и офицерскій обозы тоже приведены были въ исправный видъ, и на подвижность ихъ обращено должное вниманіе. Казенный обозъ состоялъ изъ 216-ти лошадей, 59-ти фургоновъ пѣмецкаго образца и двухъ одноколокъ. Каждая рота имѣла одну троечную запряжку и фургонъ. Офицерскія повозки были разныхъ конструкцій—на баталіонъ по три повозки. Ремонтъ казенныхъ лошадей былъ произведенъ въ Кабардѣ и Духоборіи. Ротныя лошади и подѣмныя офицерскія покупались большею частью въ Духоборіи и у молочанъ. Вообще, полковой и ротный обозы были въ хорошемъ состояніи, такъ что завѣдывающій хозяйствомъ полка майоръ Васильевъ неоднократно удостоивался благодарности отъ командующаго корпусомъ за исправность обоза.

Въ эту кампанію наша армія была обставлена несравненно

лучше, чѣмъ когда либо. На обзаведеніе обозомъ и лошадьми были выданы офицерамъ полевые военно-подъемныя деньги. Съ переходомъ же границы, имъ увеличено содержаніе отпускномъ суточныхъ денегъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: субалтернъ-офицерамъ по 50-ти копѣекъ, ротнымъ командирамъ по одному рублю, баталіоннымъ—по два рубля, а полковому командиру по шести рублей въ сутки; кромѣ того, семейнымъ офицерамъ разрѣшено имѣть вторыхъ деньщиковъ, и отпускались семействамъ ихъ квартирныя деньги. Нижнимъ чинамъ ежедневно варилось по полтора фунта мяса и выдавался чай, а въ ненастную погоду—спиртъ. Мундирная одежда взята въ походъ первосрочная, новая. Призывные солдаты, насколько позволяло время, были дисциплинованы въ духѣ эриванскаго полка и практиковались въ стрѣльбѣ изъ берданокъ. Словомъ, полкъ приготовился къ походу—и приготовился хорошо.

Наканунѣ войны, въ лагерѣ эриванцевъ все шло заведеннымъ порядкомъ. Кто-то даже изъ лагерныхъ политиковъ распустилъ слухъ, что войны не будетъ, такъ какъ Англія, напуганная появленіемъ сѣверо-американскаго флота въ Средиземномъ морѣ, не прійметъ открыто сторону турокъ, а они безъ Англіи воевать не посмѣютъ. Но вышло иначе. Около десяти часовъ вечера въ лагерномъ штабѣ у Дагарли получено было извѣстіе о разрывѣ съ Турціею, и даже прислана диспозиція такого рода: утромъ, 12-го апрѣля, главнымъ силамъ корпуса, по двумъ дорогамъ, имѣя кавалерію впереди, выступить за границу и совершить переходъ—правой колоннѣ къ селенію Молла-Муса, а лѣвой—къ селенію Технистъ. Въ лагерѣ поднялась возня: укладка вещей, писаніе телеграммъ, писемъ. Мало кому въ эту ночь удалось уснуть. Въ эти немногіе часы до разсвѣта передумано многое. И такъ, завтра въ походъ, за границу! Какой оборотъ прійметъ война—конечно, было скрыто отъ насъ въ будущемъ; но каждый чувствовалъ и надѣялся, что мы побѣдимъ, какія бы жертвы намъ не пришлось понести.

Наступило утро 12-го апрѣля. Погода стояла туманная, холодная. Къ шести часамъ утра эриванскій полкъ, въ походномъ снаряженіи, прибылъ къ сел. Баяндуръ, гдѣ вся дивизія построилась въ карре, въ срединѣ котораго поставили аналой. Вскорѣ

прибыль командующій корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меліковъ, поздравилъ полки съ предстоящимъ походомъ и прочиталъ слѣдующій приказъ Главнокомандующаго:

«Войска кавказской арміи! Державная воля Государя Императора призываетъ васъ нынѣ къ защитѣ оружіемъ чести и достоинства нашего отечества. За вами—славное прошлое кавказскихъ войскъ; передъ вами—поля и твердины, обогранныя кровью вашихъ отцовъ и братьевъ. Впередъ, съ Богомъ, за родину и великаго Государя!»

Въ этихъ немпогихъ, но знаменательныхъ словахъ приказа сказано все, что глубоко трогало и трогаетъ русскаго человѣка. За честь родины и за Государя наши дѣды и отцы умѣли постоять; молодое поколѣніе, призванное теперь къ защитѣ отечества, покажетъ, что оно достойно своихъ предковъ.

При чтеніи приказа у каждаго невольно навертывалась слеза; каждый зналъ, что онъ призывается на защиту праваго дѣла, и что въ жилахъ его течетъ кровь славянина, которому предстоитъ снять оковы съ единоплеменниковъ славянъ, подвластныхъ мусульманскому игу (3).

Послѣ чтенія приказа музыка заиграла народный гимнъ, а войска крикнули неудержимое «ура». Когда гимнъ окончился, начальникъ корпуснаго штаба генералъ Духовской прочиталъ приказъ по корпусу (*), въ которомъ было выражено, что воля Государя, честь и достоинство Россіи требуютъ, чтобы, съ занятіемъ нами турецкихъ провинцій, спокойствіе среди населенія утвердилось прочно, и чтобы никто, ни подъ какимъ предлогомъ, не поднималъ оружія на жителей, покоряющихся нашей власти, и не пользовался безплатно имуществомъ жителей—къ какому бы вѣроисповѣданію и національности они не принадлежали. Затѣмъ, начался молебень. Солдаты тѣснились возлѣ аналоя, жертвуя деньги и свѣчи на образъ. Многіе изъ нихъ клали три земныхъ поклона передъ аналоемъ, а потомъ, повернувшись на сѣверъ, гдѣ была ихъ родина, еще три поклона, какъ бы прощаясь съ нею. Нѣкоторые

(*) Приказъ по корпусу 12-го апрѣля 1877-го года № 53.

брали горсть земли въ карманъ—для того, что если суждено будетъ погибнуть на войнѣ, въ землѣ непріятельской, то чтобы первая горсть земли, которой прійдется пасть въ могилу, была бы своя, родная.

Всѣхъ войскъ въ дѣйствующемъ корпусѣ, включая сюда эриванскій и ардаганскій отряды, состояло налицо 49,499 человекъ (47-мъ баталіоновъ, 16-тъ эскадроновъ, 79-тъ сотенъ, 20-тъ батарея) (*). Въ этомъ числѣ эриванцевъ было: 6-тъ штабъ-офицеровъ, 39-тъ оберъ-офицеровъ и 3056 нижнихъ чиновъ. Дальній расходъ людей въ полку, въ день выступленія, былъ слѣдующій: въ командировкахъ состояло—1-нъ штабъ-офицеръ, 9-тъ оберъ-офицеровъ и 286-тъ нижнихъ чиновъ; въ госпиталяхъ—109-тъ нижнихъ чиновъ и въ полковомъ лазаретѣ, гдѣ имѣлось 24 мѣста, 15-тъ человекъ.

Баталіонами командовали: первымъ—флигель-адъютантъ майоръ фонъ-дербъ-Нонне, вторымъ—майоръ князь Путятинъ, третьимъ—майоръ Меликовъ и четвертымъ—подполковникъ Микеладзе. Въ тактическомъ отношеніи полкъ дѣлился на четыре баталіона, каждый баталіонъ на три номерныхъ и одну стрѣлковую роты.

По диспозиціи, эриванскій полкъ совершалъ первый переходъ въ хвостѣ колонны, имѣя 1-й баталіонъ въ арріергардѣ. Только къ десяти часамъ утра саперы успѣли навести чрезъ Арпачай кашпелевскій мостъ, такъ что полку пришлось простоять на мѣстѣ болѣе четырехъ часовъ. Наконецъ, къ полудню, подъ звуки своего кюрюкъ-даринскаго марша, эриванцы перешли мостъ—и съ крикомъ «ура» вступили на турецкую землю.

По дорогѣ къ Технису, въ двухъ верстахъ отъ Баяндур, протекаетъ рѣчка Караханъ-чай, притокъ Арпачая. Переправа чрезъ Караханъ-чай сопряжена была съ большими затрудненіями, потому что моста навести не успѣли. Головные части стали перевозить на арбахъ, но такого рода переправа настолько оказалась медленною, что войскамъ пришлось бы стоять дня два у берега и ожидать очереди, а потому приказано было переправляться въ бродъ.

Солдаты, несмотря на сильный холодъ и падавшій повременамъ дождь и градъ, раздѣвались доната и, неся надъ головою свое снаряженіе и одежду, смѣло вступали въ воду; глубина рѣчки доходила въ это время года до груди, ширина же ея—до тридцати шаговъ. На долю эриванцевъ выпало самое худшее: имъ пришлось переправляться вечеромъ, когда сдѣлалось еще холоднѣе; кромѣ того, всѣ завязшія орудія, зарядные ящики и обозныя фуры приходилось вытаскивать людьми изъ болотистаго Караханъ-чая, такъ какъ лошади окончательно выбились изъ силъ; въ особенности, тучныя артилерійскія, непривыкшія къ такой усиленной работѣ, совершенно стали, а многія, запутавшія въ сбрую, даже тонули. За переправой наблюдалъ командиръ 1-й бригады гренадерской дивизіи генералъ Авиновъ. Онъ принималъ всѣ мѣры, чтобы ускорить переправу, но все-таки она длилась до полуночи. Почти на разсвѣтѣ эриванцы прибыли на бивакъ у Техниса.

Въ этотъ день кавалерія наша съ успѣхомъ выполнила возложенное на нее порученіе. Она на разсвѣтѣ захватила врасплохъ большинство турецкихъ пограничныхъ постовъ. Только Джелабъ-кичукскій постъ оказалъ сопротивленіе, при чемъ турки потеряли четыре человѣка убитыми; съ нашей стороны убитъ казакъ. Это была первая кровь, пролитая въ минувшую кампанію. На постахъ взято у непріятеля въ плѣнъ семь офицеровъ и 97-мъ нижнихъ чиновъ.

На слѣдующій день гренадерская дивизія перешла къ сел. Аргыня, а правая колонна—къ селенію Кизиль-Чахчаху. Въ этотъ день погода прояснилась, солдатики обсохли, согрѣлись на солнцѣ, и забывъ вчерашнія невзгоды, смотрѣли молодцами. Въ рядахъ же эриванцевъ не умолкали хоровыя пѣсни.

14-го апрѣля имѣлось въ виду дѣло съ непріятельскимъ отрядомъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ Башъ-Кадыкляра; но какъ турки, при появленіи нашей кавалеріи, отошли къ Карсу, то всѣмъ войскамъ дана дневка на мѣстахъ ихъ лагернаго расположенія.

Нужно замѣтить, что при выступленіи за границу, приказано было взять съ собою только на три дня фуража; поэтому, въ Ар-

гыня многимъ понадобился фуражъ. Естественно, командиры нуждавшихся частей приказали купить фуражъ. Офицеры и артельщики наводнили собою близлежащее селеніе Аргыня; но такъ какъ населеніе этой деревни состояло исключительно изъ турокъ, то они, изъ боязни и, конечно, нерасположенія къ русскимъ, заявили па-отрѣзъ, что у нихъ фуража вовсе нѣтъ. Однако, услужливые турецкіе армяне, сопровождавшіе нашъ отрядъ изъ Техниса, указали на громадныя запасы ячменя, хранившіеся въ ямахъ, а также на большіе саманники, наполненные саманомъ, и на стога сѣна. Мало того, нѣкоторые ловкіе люди изъ мѣстныхъ армянъ продали саманники и ячмень, какъ свою собственность. Когда же покупатели прибыли съ повозками за саманомъ и ячменемъ, то явились и настоящіе хозяева запроданнаго—турки. Конечно, при этомъ произошелъ безпорядокъ, шумъ. Старшина и муллы отправились съ жалобою къ командующему корпусомъ. Генераль Лорисъ-Меликовъ, имѣя въ виду удержать населеніе на своихъ мѣстахъ и расположить къ намъ, приказалъ уплатить претендентамъ за то количество фуража, какое они показали. Туркамъ такая щедрость весьма понравилась. Впослѣдствіи достаточно было солдату зайти въ саклю купить хлѣба или выпить воды, чтобы дать поводъ толпѣ старухъ и стариковъ явиться съ жалобою къ начальству, что ихъ обокрали. Алчность турокъ дошла до такой степени, что во время стоянки при Заимѣ старшина этой деревни сталъ требовать деньги за мѣсто, занятое нами подъ лагерь.

Вообще, въ эту кампанію, какъ офицеры, такъ и нижніе чины чрезвычайно гуманно относились къ жителямъ и платили имъ за все весьма щедро. Жители сами привозили къ намъ въ лагерь, на базаръ, фуражъ и разнаго рода жизненные припасы. Они вначалѣ продавали громадныя избытки своихъ запасовъ по весьма умѣреннымъ цѣнамъ: ячмень и сѣно по 10-ти копѣекъ за пудъ, гуся по 30-ти копѣекъ, курицу отъ 10-ти до 20-ти копѣекъ. Плата имъ производилась нашими депозитками, и они ихъ брали охотно. Во всѣхъ селеніяхъ карскаго пашалыка, нами занятого, видно было полное изобиліе, какъ фуража, такъ и жизненныхъ продуктовъ. Рогатый скотъ наши маркитанты скупали по неимовѣрно-